

Потому что нет ничего,
более удивительного, чем жизнь.
Кроме слова.
Кроме утешительного слова.

Орхан Памук. Черная книга
Перевод Веры Феоновой

От автора

В статье «Les enclitiques slaves», написанной в 1935 г. по материалам доклада в Риме, Р.О.Якобсон замечает: «Позиция энклитик¹ в предложении — это один из ключевых вопросов, связанных с порядком слов».² С тех пор прошло более семи десятилетий, вышло много блестящих работ, посвященных клитикам и в общетеоретическом плане, и на материале конкретных языков, однако до сих пор эта тема остается одной из наиболее интересных и важных для понимания структуры предложения и его правильной интерпретации.

Эта книга представляет собой переработанный и сокращенный вариант кандидатской диссертации, защищенной в 2003 г. на Филологическом факультете СПбГУ. Работа над диссертаци-

¹ **Клитики** (от древнегреческого глагола κλίνω 'наклонять') — это слова, лишенные собственного ударения и поэтому образующие интонационно-просодическое единство со словом, имеющим собственное ударение. Клитики могут оказываться как перед ударным словом (их тогда называют **проклитики**), так и после него (**энклитики**). В древнегреческом языке и койне проклитиками были предлоги и союзы, а энклитиками становились частицы, традиционно оформлявшиеся как ударные, подробное описание которых см. в [DENNISTON 1954], и слабые формы местоимений.

² «La position des enclitiques dans la phrase constitue une des questions fondamentales concernant l'ordre de mots» (цит. по [ЯКОБСОН 1971:22]).

ей пришлось как раз на тот момент, когда тема греческих местоименных клитик¹ была в моде: после знаменитых статей Питера Макриджа [MACKRIDGE 1993; 1994; 2000] и Марка Йансе [JANSE 2000] казалось, что вопрос о клитиках в истории греческого языка уже почти снят. Впрочем, как показала диссертация Панайотиса Паппаса [PAPPAS 2001], позже изданная в [PAPPAS 2004], эти исследования поставили вопросов больше, чем смогли решить. Особенность настоящей книги состоит, наверное, в том, что в ней не предпринимается попытка ответить на поставленные прежде вопросы: она, конечно, по возможности учитывает удачи и неудачи предыдущих исследований, но лишь настолько, насколько это важно для рассматриваемого материала, который ограничен одним греческим текстом начала VII в. — «Лугом Духовным» Иоанна Мосха (см. § 7 и сл.). Продуктивность подобного подхода подтвердило исследование А. А. Зализняка, ориентированное на язык новгородских берестяных грамот [ЗАЛИЗНЯК 1993]. Как показал опыт А. А. Зализняка, выводы, сделанные на материале одного текста (или набора однотипных текстов), с одной стороны, могут быть релевантными и для других текстов на том же языке [ЗАЛИЗНЯК 2004:45–72; 2008], а с другой стороны, задают типологические параметры для описания аналогичных явлений на материале других языков [ЦИММЕРЛИНГ 2002:72–77; 2009:269]. Аппарат, предложенный А. А. Зализняком, в несколько переработанном виде использован и в этом исследовании (см. § 67–76).

Настоящая книга не появилась бы без совета и помощи многих людей. Важные замечания и предложения на стадии написания диссертации внесли Ф. А. Елоева, Н. Н. Казанский, В. П. Казанскене и А. Ю. Русаков. Особенно автор благодарен А. В. Циммерлингу, подготовившему отзыв от ведущей организации, и оппонентам: Т. В. Цивьян и С. А. Иванову. Большое значение имели комментарии, высказанные по статьям и докладам, также легшим в основу настоящей книги. Здесь хочется упомянуть как отечественных исследователей — В. А. Плунгяна, Ю. А. Клейнера, А. С. Мухина, так и зарубежных — Питера Макриджа, Брайана Джозефа, Дитера Райнша, Марка Лаукстема-

¹ Здесь и далее **местоименными клитиками** называются только слабые формы **личных** местоимений.

на, Марьолин Йансен, Марка Йансе, Ганса Айденайера, Хосе Симона Палмера, Панайотиса Паппаса и Пахомиоса (Роберта) Пенкетта. Многие из них оказали помощь не только советами, но и поделились необходимой литературой. На конечной стадии доработки книги Н. Л. Сухачев, Ю. А. Клейнер и В. В. Федченко прочли текст и высказали важные соображения по его доступности для читателя и удачности формулировок, за что автор им очень благодарен. Следует признать, что не все замечания по разным причинам были учтены и недостатки окончательного варианта книги лежат исключительно на совести автора. Автор также благодарен И. А. Магину, подготовившему оригинал-макет, и Ал. Вл. Андрееву, И. Э. Васильевой и Арно Бикару за помощь в исправлении ошибок.

Список сокращений и условных обозначений

<i>AB</i>	акцентное выделение
англ.	английский язык
букв.	буквально
досл.	дословно
др.-греч.	древнегреческий язык
итал.	итальянский язык
новогреч.	новогреческий язык
нем.	немецкий язык
просторечн.	просторечная форма
понт.	понтийский диалект новогреческого языка
русск.	русский язык
франц.	французский язык
<i>ФУ</i>	фразовое ударение
ACC	винительный падеж
ACT	активный залог
ADV	обстоятельство, наречие
AOR	аорист
ART	артикуль
Car.	carut
cod.	codex
CL	(эн)клитика (обычно сентенциальная)
CNJ	союз
CONJ	сослагательное наклонение
DAT	дательный падеж
DET	определение
ed.	edidit
<i>f.</i>	folium
FEM	женский род
FUT	будущее время
GEN	родительный падеж
<i>Hbc.</i>	Habascus
<i>Hdt.</i>	Herodotus, <i>Historia</i>

<i>Hom. Ep.</i>	Homeri Epigrammata
<i>Il.</i>	Homeri Ilias
IND	изъявительное наклонение
IPF	имперфект
<i>Laus.</i>	Historia Lausiaca
libel.	libellum
<i>Mark</i>	эмфаза, показатель маркированности
MASC	мужской род
<i>Mc.</i>	Sec. Marcus
<i>Mt.</i>	Sec. Matthaeum
N	имя существительное
NEUTR	средний род
NOM	именительный падеж
NP	именная группа
O	дополнение, объект
Od	прямое дополнение
Oi	косвенное допoление
Op	местоименная клитика в функции дополнения
Op*	сильная форма местоимения в функции дополнения
<i>Od.</i>	Homeri Odyssea
OPT	оптатив
PERF	перфект
<i>PG</i>	Patrologia Graeca = [MIGNE 1857–1866]
PL	множественное число
PRAES	настоящее время
PREP	предлог
<i>Prot.</i>	Prothagoras Platonis
<i>Ps.</i>	Psalmi
<i>Ptoch.</i>	Ptochoprodromos
<i>Ran.</i>	Ranae Aristophani
<i>Rom.</i>	Ad Romanos
S	подлежащее, субъект
SG	единственное число
V	глагольная форма
Vdic	глагол речевой деятельности
Vfin	личная форма глагола
Vimp	глагольная форма в повелительном наклонении
Vinf	глагольная форма в инфинитиве

Vmod	модальный глагол
Vprt	причастие
Vvid	глагол зрительного и чувственного восприятия
VL	Variae Lectiones (в <i>PG</i>)
VOC	звательный падеж
VP	глагольная группа
vs.	versus
W	полноударное слово
∅	пустой (нулевой) объект (дополнение)
{...}	границы синтаксических или интонационно-просодических групп
[...]	элемент добавлен для лучшего понимания

Введение

§ 1—5. Общие положения (9) • § 6. Иоанн Мосх (16) • § 7. Общие сведения о «Луге Духовном» (19) • § 8—9. Литературные и художественные особенности (20) • § 10. Рукописи и первые издания (27) • § 11—19. Текстологические разночтения (30) • § 20. Издания «Луга Духовного» (35) • § 21. Правила нумерации строк (35)

§1. «Граматики конкретных языков описывают эти языки, общее языкознание описывает, как сопоставить грамматики» — так определяет В. Б. Касевич одну из основных задач общего языкознания [КАСЕВИЧ 1977:3]. Однако все более ярко проявляющаяся тенденция поставить языкознание в один ряд с естественными и точными науками постепенно приводит к тому, что целью обобщений становится уже не столько выработка универсальных правил для описания **разных** языков, сколько разработка обобщенной исследовательской модели или даже, скорее, свода общих правил, позволяющих производить правильные морфосинтаксические структуры путем простой подстановки соответствующих лексических элементов,¹ независимо от их языковой принадлежности, что, с одной стороны, позволяет типологически взглянуть на такие ключевые вопросы, как проблема лингвистического описания морфологической и семантической зависимости [MEL'ČUK INTERNET (= 2003)], определения фокуса [VAN VALIN JR. 1999; LÓPEZ, WINKLER 2000], предикацию [BRANDT 2001] и проч., а с другой — нередко ведет к тому, что за подобными описаниями несколько теряется сам язык, а приводимые примеры, соответствуя разработанной формуле, вступают в противоречие с нормами живого языка [PHILLIPAKI-WARBURTON 1992]. Приходится признать, что метод универсального (формульного) описания языковых реалий, давая возможность по-новому взглянуть на многие

¹ Подразумевается создание универсальной модели описания всех уровней языка; см., напр., [RUSSELL 1999].

вопросы морфологии, синтаксиса и семантики, заметно затрудняет анализ конкретных примеров. Причиной этому, вероятно, оказывается невнимание к контексту, неизменно сопутствующее любому обобщению. Вместе с тем, наличие контекста является наиболее существенным фактором для правильного понимания высказывания, во многом определяя его семантико-синтаксическую интерпретацию.¹ В архиве С. Д. Кацнельсона сохранилось немало набросков, посвященных критике идей Ноама Хомского. В заметке «Слепой синтаксис и слепая лексика (из беседы с Ю. С. Масловым)» встречается замечание о том, что «Хомского подвело математико-логическое разграничение синтаксиса и семантики, при котором синтаксис понимается как чисто формальное построение, противоположное семантике» [КАЦНЬЕЛЬСОН 2001:668]. Представляется, что понимание семантики синтаксиса как явления, выходящего за рамки отдельного предложения и приближающегося к анализу текста в целом, дает возможность подойти к рассмотрению синтаксических явлений с точки зрения прагматики.²

¹ Данное утверждение зачастую верно и для фонологической интерпретации высказывания. Рассматривая вопрос о **нейтрализации**, В. Б. Касевич отмечает, что «условием нейтрализации является **двусторонность** (выделение — ВК) нейтрализуемых единиц» [КАСЕВИЧ 1986:6]. В качестве примера приводятся три омонима *лук*₁ (растение), *лук*₂ (оружие) и *луг*. В первых двух случаях представлена так называемая **постоянная** омонимия, и разграничение разных лексических единиц происходит только благодаря «сохраняющейся противопоставленности означаемых» (*там же*), что может быть выявлено только из лексического контекста (примеры В. Б. Касевича):

- (i) *На грядке растет зеленый лук*₁
- (ii) *Всадник выстрелил из лука*₂

В последнем примере теоретически возможна сильная позиция, формально снимающая омонимию (*луг-а* ~ *лук-а*), однако очевидно, что не наличие сильной позиции помогает слушающему правильно оценить смысл высказывания, а именно присутствие широкого контекста.

² Показательно, что, рассматривая вопрос о месте фокуса, Роберт Ван Валин Мл. практически никогда не выбирает в качестве примера отдельную фразу, и это позволяет сразу определить место фокуса [VAN VALIN JR. 1999:512]:

- (i) **Q[uestion]:** How's your car? **A[nswer]:** My car/it broke **DOWN**
- (ii) **Q:** What happened? **A:** My **CAR** broke down

§2. Признание необходимости изучения контекста при проведении лингвистического описания ставит, по крайней мере, два вопроса, актуальных для настоящей книги:

1. **Как соотносятся изучение контекста и термин ‘закон’ в языкознании?** Если в естественных науках этот термин используется для описания **универсальных** и **циклических** процессов, то в языке, даже в случае обязательности, процессы всегда имеют временную ограниченность. Высокой степенью обязательности, более или менее сопоставимой с естественными науками, обладают только те единицы языка, которые подвергаются качественным изменениям, то есть единицы фонетического уровня.¹ Употребление термина ‘закон’ при исследовании процессов, где функционируют двухсторонние единицы, выглядит иногда настолько странно, что многие современные лингвисты при анализе морфологических и синтаксических закономерностей, традиционно называемых законами, в основном стремятся использовать более «лингвистические» термины или делают определенные оговорки. Так, Стивен Андерсон, рассматривая известный закон Ваккернагеля² с современных позиций, либо вообще не использует слово «закон» [ANDERSON 1995; 1996], либо употребляет такие выражения, как «основное наблюдение Ваккернагеля» („Wackernagel’s central observation“), «принцип упорядочения Ваккернагеля» („Wackernagel’s ordering principle“) или «позиция Ваккернагеля» („Wackernagel’s position“) [ANDERSON 1993:69, 70, 72]. В статьях Марка Йансе, напротив, часто встречается термин ‘закон Ваккернагеля’, однако бельгийский исследователь неоднократно подчеркивает тот факт, что это лишь тенденция, которая, хотя и во многом определяла порядок слов в предложении, имеет многочисленные исключения [JANSE 2000:232ff].³ Впрочем, здесь,

¹ Едва ли удастся найти хоть один случай того, чтобы какой-либо фонетический закон действовал на протяжении всего развития языка. Например, в древнегреческом, как и во многих других индоевропейских языках, были обязательны фонетические изменения, известные, как закон Грассмана и закон Остгофа (их функционирование в древнегреческом описывается в [LEJEUNE 1972:56–58, 219–220]), которые, однако, начинают терять свою силу уже в позднюю классическую эпоху.

² Предварительно закон Ваккернагеля можно сформулировать так: в тех языках, где он действует, энклитики (см. сн. 1 на с. 3) обычно занимают второе место в предложении после первого полноударного слова; подробнее см. § 66 и сл.

³ Предваряя библиографию, созданную им к столетию закона Ваккернагеля, Марк Йансе отмечает: «Кажется, что Ваккернагель сам несколько сомневался в том,

по-видимому, на первый план выходит не методический вопрос о правильной терминологии, который не имеет столь большого научного значения, а проблема **метода** исследования, связанная с бесперспективностью изучения языковых закономерностей без привлечения всестороннего лингвистического и филологического комментария, выполненного на современном уровне.

2. Какие требования должны сегодня предъявляться к «историческим грамматикам»? Среди работ, посвященных истории греческого языка, можно особо выделить [BROWNING 1983; ТОННЕТ 1993; HORROCKS 1997]. Если два первых исследования представляют собой сжатое описание основных тенденций развития греческого языка, то последнее претендует на разносторонний анализ с привлечением современных методов лингвистического описания. При всех многочисленных и несомненных достоинствах отдельные аспекты в книге Джеффри Хоррокса могут вызвать недоумение. Так, в библиографии практически отсутствуют работы, посвященные лингвистическому описанию отдельных литературных памятников византийского времени.¹ При этом соб-

что его наблюдения действительно являются законом, и это подтверждается использованием таких слов и выражений, как '(позиционное) правило', 'склонность', 'позиционный обычай', 'тенденция', 'предпочтение', 'регулярная позиция', 'древнее правило' и 'традиционная позиция', наравне с термином '(позиционный) закон'; однако использование термина 'закон', скорее всего, было признаком хорошего тона в лингвистических работах девятнадцатого столетия, посвященных истории языка» [JANSE 1994a: 391] («Wackernagel himself seemed to be somewhat doubtful about the true *Gesetzmäßigkeit* of his observations, witness his use of the terms „(Stellungs)regel“ [WACKERNAGEL 1892:335, 337, 351, 352, 366, 367, 371, 378, 380, 396, 402], „Drang“ [WACKERNAGEL 1892:336], „Stellungsgewohnheit“ [WACKERNAGEL 1892:337], „Tendenz“ [WACKERNAGEL 1892:341], „Vorliebe“ [WACKERNAGEL 1892:342], „regelmässige Stellung“ [WACKERNAGEL 1892:351], „alte Regel“ [WACKERNAGEL 1892:352] and „traditionelle Stellung“ [WACKERNAGEL 1892:393] next to „(Stellungs)gesetz“ [WACKERNAGEL 1892:340, 351, 361, 363, 364, 366, 367, 402, 427], but the term „Gesetz“ must have been *bon ton* in the historically oriented linguistics of the nineteenth century»; здесь и далее перевод мой — МК). Ср. с замечанием о законе развития языка в [ЯРЦЕВА 1990:159], где говорится, что это «понятие, нередко встречающееся в лингвистической литературе, не определено достаточно четко».

¹ Вероятно, это связано с тем, что почти все немногочисленные описания средневековых греческих текстов, напр., [ТАВАСНОВИЦ 1943; МИНЕВЉ-ГАВРОВЕЉ 1960; МАТИНО 1977], ограничиваются приведением примеров и, в лучшем случае, проводят стилистический анализ, что, конечно, не удовлетворяет современным требованиям. Кроме того, большинство описаний базируется на очень старых изданиях, не имеющих хорошего критического аппарата.

ственные наблюдения Дж. Хоррокса иногда опускают отдельные детали, имеющие важное значение для истории греческого языка. Этот недостаток объясняется тем, что при составлении исторической грамматики автор не может самостоятельно анализировать все тексты, на которые он опирается, поэтому крайне необходимы работы, посвященные лингвистическому описанию отдельных литературных памятников, которое бы соответствовало современным требованиям. К сожалению, у Дж. Хоррокса не всегда были в распоряжении подобные исследования, что, с одной стороны, значительно усложнило его задачу, а с другой — поставило вопрос о целесообразности написания исторической грамматики языка при отсутствии работ, описывающих базовые тексты.

§3. Настоящая книга посвящена выявлению факторов, влияющих на позицию слабых форм местоимения в функции дополнения в греческом языке. В большинстве исследований, где этот вопрос рассматривается на греческом материале [HORROCKS 1990; 1991; PAPAS 2001; 2004], проводится диахронический анализ клитик для выявления формальных критериев, определяющих позицию местоименной клитики относительно управляющего глагола.¹ Практически во всех работах говорится о **грамматикализации**, под которой понимается появление синтаксических или морфологических «правил», определяющих местоположение слабой местоименной формы. При этом почему-то часто остается в тени «другая сторона» данного процесса — «стирание» прагматических факторов, определяющих позицию слова в предложении. Поэтому, чтобы проследить процесс грамматикализации полностью, необходимо, во-первых, рассмотреть проблему постановки клитик в контексте рассмотрения порядка слов в целом, а во-вторых, выбрать в качестве отправной точки диахронического исследования такой текст (или группу текстов), где максимально проявляется прагматическая обусловленность постановки местоименных клитик, а потом использовать этот текст в качестве своеобразного «эталоны» для сравнения с более поздними. В большинстве случаев исследование выглядит иначе: либо проводится беглая попытка сопоставления древнегреческой, ранне-

¹ В англоязычной литературе его принято называть *host* ('хозяин'), см. сн. 2 на с. 105.

новогреческой¹ и современной новогреческой ситуации, что обречено на провал в связи с коренным различием принципов исчисления порядка слов и статуса местоименных клитик в разные периоды истории греческого языка, либо исследование ведется на материале ранних новогреческих текстов, где исследователь сталкивается с уже сформировавшейся системой.

§4. Текст-«эталон» (иначе базовый текст) должен отвечать следующим требованиям:

1. Он должен быть создан между IV и X вв., то есть в период так называемого **позднего койне**, когда язык отказывался от древнегреческих норм, постепенно превращаясь в новогреческий.
2. В связи с развитием **диглоссии**, существовавшей еще в койне [FRÖSÉN 1974], выбранный текст должен хотя бы частично отражать действительное состояние языка.

На основании этих критериев для исследования был выбран текст «**Луга Духовного**», созданный византийским монахом **Иоанном Мосхом** (ок. 550–619/34) на рубеже VI–VII вв. (см. §6 и сл.). В предисловии к своей работе, посвященной этому патерику, Эрика Михевч-Габровеч отмечает: «„Луг Духовный“ представляет собой необычайно ценный памятник для изучения греческого в Средние века и исследования развития греческого языка в целом. Это важный источник, без данных которого не сможет обойтись будущая историческая грамматика греческого языка».² Лингвистическую ценность этого литературного памят-

¹ Нередко в работах по истории греческого языка появляется термин ‘**среднегреческий язык**’ для описания переходного периода от древнегреческого к новогреческому. Этот термин представляется не совсем удачным с методологической точки зрения, поскольку объединяет две сосуществовавшие, но абсолютно противоположные языковые традиции: с одной стороны, это ранние новогреческие тексты, а с другой — произведения, ориентирующиеся на язык Библии и античной литературы. Поэтому в данной работе термин ‘среднегреческий язык’ не употребляется, а вместо этого предлагается говорить о раннем новогреческом, который начал складываться уже к X в.; см. также [EIDENEIER 1972; 2004:26; 2005a; 2005b; KAPLANIS 2002].

² «Pour l'étude du grec médiéval et du développement de la langue grecque en général, *Pratum spirituale* représente un document très précieux. C'est une source riche que la future grammaire historique du grec moderne ne pourra pas négliger» [МИНЕВЧ-ГАБРОВЕЧ 1960:4].

ника очень точно определила Роса Агилар: «Язык Иоанна Мосха является частью христианской литературной традиции, восходящей к новозаветному койне. Стиль Мосха в целом простой и разговорный, однако в то же время он соответствует языку высокообразованного человека, например, монаха».¹ Итак, произведение Мосха оказывается практически единственным памятником позднего койне, где наравне с традиционными архаическими формами проявляются факты живого языка. Чтобы данное утверждение не выглядело голословным, глава 1 настоящей книги посвящена описанию основных особенностей именной и глагольной систем «Луга Духовного», а проблематика, связанная с порядком слов, включая влияние нарративных стратегий, процедур эмфазы и действия закона Ваккернагеля, рассматривается в главе 2. Собственно вопрос о позиции местоименных дополнений, центральный для книги, поднимается только в главе 3, после того как читатель ознакомится с основными морфологическими и синтаксическими особенностями текста.

§5. При описании морфологии и принципов исчисления порядка слов неизбежно приводится значительное количество примеров, представляющих собой словосочетания, а иногда и целые предложения. В американских работах по истории греческого языка принято глоссировать такие примеры [PAPPAS 2004], однако европейские исследователи традиционно обходятся без глосс,² разумно полагая, что греческая морфология и синтаксис ясны при адекватном переводе. Данная книга следует европейским традициям, тем более что структура предложений «Луга Духовного» прозрачна. Все примеры снабжены переводом, очень близким к оригиналу, в том числе в плане порядка слов, иногда даже в ущерб хорошему стилю. Если правила русского языка не позволяют дать буквальный перевод, он приводится рядом в скобках с пометами букв. или досл.: ‘О нем ⟨...⟩ многие много удивительного (досл. многое и удивительное) рассказали нам’ (пример 2.7).

¹ «La lengua de Juan Mosco se inserta en una tradición literaria cristiana que parte de la *koiné* neotestamentaria. En general su estilo es familiar, coloquial, pero también responde a una lengua más culta como propia de un monje» [AGUILAR 1983–1984:336].

² То, что делает Дж. Хоррокс в своем исследовании [HORROCKS 1997], нельзя в полной мере назвать глоссированием. Скорее, это практически дословный подстрочный перевод с элементами грамматического комментария.

Элементы, отсутствующие в оригинале, но необходимые для понимания, даются в переводе в квадратных скобках, например, при восстановлении местоименного подлежащего, как в примере 1.12: 'Ὡς οὖν ἐμελλον ἐξέρχεσθαι. . . 'Когда [я] уже собирался выйти. . .'. Помимо этого, в самих примерах широко используются грамматические пометы:¹ Ὁ πατέρας_S μου διαβάζει_V Καζαντζάκη_O (2.1), благодаря которым, в частности, понятно, что πατέρας — это подлежащее (S), Καζαντζάκη — дополнение (O), а διαβάζει — глагольное сказуемое (V). Если при одном элементе надо поставить несколько грамматических помет, менее важная ставится в скобки: χάγώ_{(S)Mark} (2.44), то есть подлежащее χάγώ (S) является маркированным (*Mark*). Показатель маркированности в данном случае представляется более релевантным, поэтому показатель подлежащего стоит в скобках.

Для обозначения границ синтаксических или интонационно-просодических единств используются знаки { . . . } : ἤρξάμεθα {μεταφέρειν τὰ σκεύη} (2.17). Если после закрывающего знака } стоит грамматический показатель, он относится ко всему единству: {Ὁ ἀββᾶς Πολυχρόνιος}_S διηγῆσατο. . . (2.23), то есть подлежащим (S) является вся именная группа Ὁ ἀββᾶς Πολυχρόνιος. Иногда одно синтаксическое единство включено в другое единство. Тогда они обозначаются цифровыми индексами, отражающими иерархию, причем включаемое единство имеет более высокий индекс, чем включающее: {₁{₂Ὁ ἀββᾶς Ἡλίας}_{2S} {₃ὁ βοσκός}_{3DET}}_{1NP} (2.32); словосочетание ὁ ἀββᾶς Ἡλίας ὁ βοσκόс целиком представляет собой именную группу (NP), начальная и конечная граница которой помечены цифровым индексом 1; в именную группу включены подлежащее ὁ ἀββᾶς Ἡλίας (S), помеченное как единство 2, и (несогласованное) определение ὁ βοσκόс (DET — единство с индексом 3).

§6. Об авторе «Луга Духовного». Традиционно изучение памятников ранней византийской агиографии характеризуется тем, что об авторе практически ничего неизвестно, кроме имени. В этом отношении автор «Луга Духовного» Иоанн Мосх оказал-

¹ Подробнее см. список сокращений и условных обозначений (с. 6).

ся счастливым исключением.¹ На сегодняшний день имеется три источника, которые позволяют узнать о его жизни:

- (а) анонимное предисловие к «Лугу Духовному»;²
- (б) заметка патриарха Фотия (*Bibliotheca*, cod. 199), где кратко воспроизводятся сведения из анонимного предисловия;³
- (с) текст «Луга Духовного».

Скорее всего, Мосх родился около 550 г. [PATTENDEN 1988:140] либо в Дамаске [VAUGHN 1902:108], либо в г. Эгея в Киликии [PATTENDEN 1975:41 (сн. 1); 1988:140].⁴ Не вполне ясно, как правильно звучало имя Иоанна Мосха: Ἰωάννης ὁ Μόσχος или Ἰωάννης τοῦ Μόσχοῦ, поскольку целиком имя встречается лишь в родительном падеже (в названии произведения). Если верен второй вариант, непонятно, значит ли это, что он сын некоего Мосха⁵ или же родом из мест с таким названием.⁶

¹ Еще в 10-е гг. XX в. М. И. Хитров в предисловии ко второму изданию своего перевода «Луга Духовного» писал о Мосхе (цит. в современной орфографии): «Нам не известны ни его родина, ни год рождения, ни то, где он получил образование» [Хитров 1915:XV].

² Опубликовано в [USENER 1907:91–93]. Анонимное предисловие, по-видимому, было написано вскоре после смерти писателя, на что указывают особенности стиля и языка. Его автором мог быть кто-то из близких Мосху людей: возможно, Георгий, настоятель монастыря св. Феодосия [PATTENDEN 1988:141], но нельзя исключать и друга Мосха, патриарха иерусалимского Софрония [PATTENDEN 1989:49]. Несмотря на то, что анонимное предисловие стилистически очень близко к «Лугу Духовному», едва ли есть основания предполагать, что Мосх сам написал свою биографию. Перевод анонимного предисловия приводится в Приложении I (с. 182).

³ Ср. с замечанием в [SIMÓN PALMER 1993a: 42]: «... una breve noticia de Focio, que en realidad no aporta nada nuevo a la información del prólogo».

⁴ В [SNAWICK 1974:56] отмечается, что многие аскеты, персонажи «Луга Духовного», родом из Киликии. На основании этого выдвигается предположение о том, что и сам Иоанн Мосх мог родиться где-то в тех же местах.

⁵ Интересно, что в тексте «Луга Духовного» (гл. CLXXXVI) встречается персонаж по имени Мосх (тирский купец).

⁶ Ш. И. Нуцубидзе высказал предположение о грузинском происхождении имени Мосха; по его мнению, имя *Мосх* свидетельствует о том, что его носитель из племени месхетинцев. По версии Ш. И. Нуцубидзе, Мосх был писателем-билингвом, то есть писал как на греческом, так и на грузинском, на котором он написал «Варлаам и Йоасаф» [Нуцубидзе 1960]. Эти предположения не нашли среди византинистов широкого признания.

Вероятно, Мосх принял монашество в монастыре св. Феодосия в Иудейской пустыне, откуда перебрался в Новую лавру св. Саввы, а потом в лавру Фаран, где провел десять лет. В начале царствования Тиверия Константина (578–582) Иоанн Мосх отправился в Египет по поручению своего монастыря, а по возвращении в течение десяти лет оставался в Илиотской лавре на Синае (о монастырях Палестины и Египта см. [СНИТТУ 1977]). После смерти императора Маврикия (602 г.) и вторжения персов в Византийскую империю (603 г.) Мосх оказался в Антиохии, а затем (по-видимому, около 608 г.) в связи с продвижением персов переезжает в Александрию. Можно предположить, что Иоанн Мосх и верный товарищ всех его путешествий Софроний (о нем см. [VON SCHÖNBORN 1972]) были доверенными лицами александрийского патриарха Иоанна III Милостивого (609–619). Автор анонимного предисловия добавляет, что после захвата Иерусалима персами (614 г.) Иоанн Мосх и Софроний плывут «в великий город ромеев» (ἐπὶ τῆν τῶν Ῥωμαίων μεγάλην πόλιν), посещая на пути разные острова, в частности, Кипр и Самос, как свидетельствуют главы XXX и CVIII «Луга Духовного».

Последние годы жизни Иоанна Мосха остаются тайной. Известно, что перед самой смертью он завещал Софронию отвезти свое тело на Синай или, если этому помешает нашествие варваров, в монастырь св. Феодосия, где началась монашеская жизнь Мосха. Софроний выполнил это пожелание: когда Мосха не стало, он вместе с двенадцатью товарищами (учениками Мосха?) привез тело в Аскалон. Нашествие арабов закрыло путь на Синай, и Софроний отправился в Иерусалим, где встретил Георгия, настоятеля монастыря св. Феодосия, вместе с которым они отвезли останки Мосха в монастырь и похоронили в пещере Волхвов. Не вполне ясно, в каком именно году оборвалась жизнь Иоанна Мосха: согласно анонимному предисловию, его не стало в сентябре или начале октября восьмого индикта. В первой половине VII в. восьмым индиктом мог быть как 619, так и 634 г.¹ У каждого из этих вариантов, как ярко продемонстрировано в [CHADWICK 1974:49ff.], есть свои «за» и «против».

¹ Филипп Паттенден на основании изучения текстологии предлагает также 628 г. [PATTENDEN 1988:141], однако эта версия представляется наименее вероятной.

Нельзя также однозначно сказать, в каком городе закончилась жизнь Мосха. С одной стороны, в анонимном предисловии и в записке патриарха Фотия вроде бы говорится о Риме. С другой стороны, Кеетье Роземонд считает, что Мосх провел остаток жизни в *новом* Риме, то есть в Константинополе, где его и не стало [ROZEMOND 1977].¹ Кроме того, она выдвинула предположение, согласно которому Иоанн Мосх был иерусалимским патриархом в изгнании. Хотя некоторые исследователи и согласились с К. Роземонд [FOLLIERI 1988], в целом ее гипотеза не была поддержана [LOUTH 1998].

Известно, что Мосх написал «Луг Духовный» незадолго до своей смерти, видимо, уже в Риме или Константинополе.

§7. Произведение Мосха обычно называют «Луг Духовный» или по-латински: «Pratum Spirituale». В рукописях встречаются три варианта названия: Λεῦζών ‘Луг’ (иногда с добавлением прилагательного πνευματικός ‘духовный’), деминутив Λεῦζονάριον (досл. ‘лужок’, отсюда возникло порой встречающееся в отечественной литературе название «Лимонарь», которое кажется не вполне удачным) и Νέος παράδεισος ‘Новый сад’.

«Луг Духовный» быстро стал невероятно популярен; если пользоваться современной терминологией, он, несомненно, был бестселлером. Об этом, во-первых, свидетельствует огромное количество сохранившихся рукописей (145 sic!), содержащих текст полностью или частично, а во-вторых — множество переводов «Луга Духовного» на другие языки,² некоторые из которых появились вскоре после появления оригинала. Одной из наиболее

¹ Интересно, что в Константинополе монахини ухаживали за могилой, где, по их уверениям, был похоронен Мосх [DALRYMPLE 1997:391].

² Ниже приводится неполный список наиболее известных переводов: **английский** — [WORTLEY 1992], также готовится [PATENDEN, IN PROGRESS]; **арабская** версия «Луга Духовного» [GVARAMIA 1965] относится, вероятно, к VIII в., подробнее см. [LEVI DELLA VIDA 1939–1940; 1940–1941; 1946]; с **грузинским** переводом, датированным началом VIII в., можно ознакомиться по изданию [ABULADZE 1960], см. также [GARITTE 1964; 1966]; **датская** версия представлена в [HESSELING 1916]; один из первых переводов на **испанский** (XVI в.) был сделан Хуаном Базилио Санторо (Juan Basilio Santoro. El Prado espiritual. Zaragoza, 1578, подробнее см. [SIMÓN PALMER 1993a: 65–68]), к новейшим переводам относится [SIMÓN PALMER 1999]; на **итальянский** первым перевел «Луг Духовный» Фео Белькари в 1475 г., а из переводов, предпринятых в XX в. следует выделить [MAISANO 1982a]; **немецкие** переводы — [HUBER 1913; FELDMANN 1967]; **новогре-**

ранних стала старославянская версия, известная как «Синайский патерик» [Гольштенко, Дубровина 1967], составленная не позднее X в.¹ Она представляет собой нечто среднее между переводом и пересказом и добавляет к оригиналу тридцать глав. Не исключено, что на Русь произведение Мосха попало не напрямую из Византии, а через Болгарию, и «Синайский патерик» является переводом (или пересказом) не греческого текста, а болгарского варианта [VAN WIJK 1933a; 1933b], который, следовательно, должен был появиться даже ранее X в.

Популярность «Луга Духовного», несомненно, связана, помимо всего прочего, с рядом использованных в нем литературных приемов и особенностями стиля.

§8. Литературные и художественные особенности «Луга Духовного». Имя Иоанна Мосха часто упоминается в работах, связанных с историей византийской литературы. «Лугу Духовному» посвящен небольшой параграф у Карла Крумбахера, где приводятся отдельные сведения об авторе и рукописной традиции и отмечается, что основная ценность труда Мосха заключается в описании жизни монастырей и указании их названий.² Ганс-Георг Бек также неоднократно упоминает труд Мосха, то говоря об аскетических идеалах, господствовавших в византийской

чешские — [SPERANTSAS 1960; STAURONIKITIANOS 1983]; **французские** — [HESSELING 1931; ROUËT DE JOURNAL 1946]; **эфиопский** — [ARRAS 1967].

«Луг Духовный» неоднократно переводился и на русский язык. Согласно [Хитров 1915:XXXVIII], первый русский перевод появился в Киеве в 1628 г., однако о нем ничего неизвестно: таким образом, первым сохранившимся русским переводом следует считать перевод Филарета Черниговского [Черниговский 1848], в котором ряд глав пропущен. В 1896 г. появился перевод М. И. Хитрова, сделанный по греческой патрологии [MIGNE 1857–1866] (далее *PG*; об издании см. § 20) и переизданный в [Хитров 1915] (репринтные издания появились в 1991 и 2002 гг.). Подробнее об этих переводах см. [SIMÓN PALMER 1994:316–319]. В 1908 г. великая княжна Милица Николаевна перевела несколько историй из «Луга Духовного» [SIMÓN PALMER 1994:318]. Сейчас эти переводы доступны по [Фрейберг 1968:231–236] без указания имени переводчика. Отдельные отрывки переводились и в конце XX в.: [Полякова 1994:46–52] — главы LI, LX, LXIV, LXXV, LXXVIII, CVII, CLXXXV и [Аверинцев 1994:261–275] — главы VII, XX, XXIV, XLV, XLVII, LXX, LXXXVII, LXXX, XCIV, CVII, CXLIV, CLIII, CLVI, CLXI, CLXXIX, CXCIII, CCIV, CCXVII. Таким образом, лишь у М. И. Хитрова «Луг Духовный» представлен целиком.

¹ Рукопись Синодального собрания № 345 датируется X в.

² «Der Wert des Ganzen liegt für uns in der Zeichnung des Klosterlebens und in den vielen Namen von Klöstern, die Johannes nennt» [KRUMBACHER 1897:187–88].

церковной литературе, то подчеркивая антологический характер многих литературных памятников [ВЕСК 1959:270, 274]. Литературные особенности «Луга Духовного», прежде всего, определяются тем, что это типичный патерик, то есть собрание рассказов о деяниях святых. Выбор такого жанра предоставляет автору значительную свободу. Рассказ может представлять собой краткую историю о старце или святом,¹ о замечательном событии² или

¹ Такой, в частности, является глава LIV:

«Пришли мы (Мосх и Софроний — МК) в Теренифу к авве Феodosию Александрийскому, и старец стал нам рассказывать: „Естественным образом, чада, монахи скита, как и предсказывали старцы, смягчили суровый уклад жизни. Ибо поверьте мне, чада, старику, что монахам скита была присуща великая любовь и суровая аскеза, а также рассудительность. А я застал там еще старцев, которые вообще не принимали пищу, если к ним никто не приходил посторонний. Среди них был старец по имени Аммоний, живший недалеко от меня. Зная его воздержание, я навещал его по субботам, чтобы он принял пищу из-за меня. Ибо все они соблюдали следующее: стоило кому-нибудь к ним прийти в какое угодно время сотворить молитву, пока тот совершал молитву, старцы готовили стол, а после принимали пищу“».

² Ярким примером служит известная история об авве Герасиме и льве Иордане (гл. CVII), на основе которой Н. С. Лесков впоследствии написал рассказ «Лев старца Герасима»:

«Примерно в одной миле от реки святой Иордан есть лавра, называемая лаврой святого аввы Герасима. Когда мы (Мосх и Софроний — МК) туда прибыли, живущие там Отцы рассказали нам об этом святом. Однажды, когда он шел по берегу святого Иордана, ему повстречался лев, громко ревуший из-за боли в лапе, ибо воткнулась в нее тростниковая заноза, и из-за этого распухла у льва лапа и наполнилась гноем. И вот, как только лев заметил старца, то подошел к нему и показал ему лапу, в которой была заноза, плача по-своему и прося оказать ему помощь. Увидев льва в такой беде, старец сел, взял его за лапу и, разрезав ее, извлек занозу вместе с большим количеством гноя, затем, хорошенько очистив рану и перевязав ее тряпкой, отпустил льва. Вылечившись, лев не только не покинул старца, но, словно настоящий ученик, следовал за ним, куда бы тот ни шел, так что старец удивлялся столь сильной признательности зверя. И с этого времени старец кормил льва, давая ему хлеб и моченые бобы.

В лавре держали осла, чтобы возить воду старцам. Ибо они пили воду из святого Иордана, а лавра находилась на расстоянии одной мили от реки. Отцы имели обыкновение препоручать осла льву, чтобы тот пас его на берегу святого Иордана. Однажды, когда осёл пасся, он отошел от льва на значительное расстояние. И вот погонщики верблюдов, шедшие из Аравии, нашли осла и, забрав его, ушли восвояси. Лев же, потеряв осла, пришел в лавру к авве Герасиму печальным и угрюмым. Авва решил, что лев съел осла, и говорит ему:

— Где осёл?

Тот же, будто человек, стоял молча и склонив вниз голову.

— Ты съел его? Благословен Господь. То, что до сих пор делал осёл, теперь ты будешь делать с сегодняшнего дня.

даже путевую заметку.¹ Как можно заметить из приведенных

И с тех пор по приказанию старца лев стал таскать выючное седло с четырьмя кувшинами и приносил воду.

Однажды к старцу пришел воин помолиться и, увидев, как лев таскает воду, и узнав причину, сжалился над ним. Достав три номисмы, воин отдал их старцам, чтобы они купили осла возить воду и освободили льва от этой обязанности. Спустя некоторое время после освобождения льва погонщик верблюдов, тот, что забрал осла, опять шел продавать хлеб в святом городе (Иерусалиме — МК), и тот осёл был при нем. Когда погонщик перешел через святой Иордан, ему случайно повстречался лев. Погонщик, увидев льва, бросил верблюдов и убежал. Лев же, узнав осла, подбежал к нему и, по обыкновению прихватив его зубами, потащил за недоуздок, а вместе с ним трех верблюдов. Радуюсь и одновременно рыча, поскольку нашел осла, которого потерял, пришел к старцу. Ибо старец считал, лев съел осла. Тогда-то и узнал старец, что на льва навели напраслину. И нарек он льва именем Иордан. И зажил лев вместе со старцем в лавре, в течение пяти лет находясь при нем неотлучно.

Когда же авва Герасим отошел к Господу, и отцы похоронили его, по промыслу Божию льва в лавре не оказалось. Через некоторое время лев пришел и стал искать старца. Ученик старца и авва Савватий, увидев его, говорят ему:

— Иордан, старец наш оставил нас сырыми и отошел к Господу. Давай сюда, поешь.

Лев же есть не захотел, но постоянно вращал глазами то туда, то сюда, чтобы увидеть старца, громко рыча и не вынося разлуки с ним. Авва Савватий и другие отцы, увидев это, потрепали ему холку и стали говорить ему:

— Отошел наш старец к Господу, покинув нас.

И хотя они так говорили, не могли прекратить никак его рычания и воплей. И чем больше пытались они словами излечить его и утешить, тем сильнее он рычал, голосом, мордой и глазами показывая горе оттого, что не видит старца. Тогда говорит ему авва Савватий:

— Давай за мной, раз уж не веришь нам. Я покажу тебе, где поконится наш старец.

И взяв льва, он отвел его, где похоронили старца. А находилось это место в полумиле от церкви. И встав над могилой аввы Герасима, авва Савватий говорит льву:

— Вот наш старец.

И преклонил колена авва Савватий. Когда же лев увидел, как тот бьет поклоны, склонив голову, сильно ударил ею о землю и, зарывав, тотчас умер на могиле старца.

Все это произошло не потому, что у льва была разумная душа, но оттого, что Бог пожелал прославить славящих его, и не только при их жизни, но и после смерти, а также показать, в каком подчинении у Адама были звери перед тем, как он ослушался Божией заповеди и лишился блаженства Рая».

¹ В качестве примера подобной «путевой заметки» можно привести главу LXXVII:

«Однажды пришли мы с господином Софронием в дом мудреца Стефана для занятий. Был полдень. Жил он рядом с церковью Пресвятой Богородицы, называемой *Дорофеей*, которую воздвиг блаженный папа Евлогий. Когда мы постучались в дом философа, выглянула девушка и сказала:

— Он спит, но вы немного подождите.

примеров, рассказы Мосха просты и доступны и часто производят впечатление бытовых историй. И даже несмотря на то, что они изобилуют библейскими цитатами,¹ аллюзиями и бродячими

Тогда говорю я господину Софронию:

— Пойдем на Тетрапил (храм, состоящий из четырех рядов колонн — МК), и там побудем.

Местность Тетрапила весьма почитаема александрийцами, ибо рассказывают, что основатель города Александр, забрав из Египта останки пророка Иеремии, там их похоронил. Придя на это место, мы никого не обнаружили, кроме трех слепцов, поскольку был полдень. Бесшумно и не говоря ни слова, мы подошли к слепцам и уселись рядом с ними, держа свои книги. Слепцы беседовали между собой, и вот один из них говорит другому:

— Вот ты как стал слепым?

Тот ответил:

— В молодости я был моряком. Как-то раз плыли мы из Африки, и у меня заболели глаза, да так, что я даже не мог ходить, на глазах выскочили бельма, и я ослеп.

Тогда тот же слепец обращается к другому:

— А как ты ослеп?

И тот сказал в ответ:

— Я по профессии был стекольщиком, и мне в оба глаза попали брызги из костра. Так я и ослеп.

Наконец, слепцы обратились к спрашивавшему:

— А ты как потерял зрение?

Он ответил:

— Честно говоря, в молодые годы я испытывал сильное отвращение к труду. К тому же я был склонен к мотовству. Когда стало нечего есть, я начал воровать. Однажды, уже совершив немало гнусных дел, я стоял на рыночной площади и заметил, как выносят богато одетого покойника. Я последовал за похоронной процессией, чтобы узнать, где его собираются похоронить. Процессия обошла церковь святого Иоанна, покойника положили в склеп, и все разошлись. Увидев, что люди ушли, я вошел в склеп и снял с умершего все, что на нем было, оставив только саван. Когда я, забрав много вещей, уже собирался выйти из склепа, дурная мысль шепнула мне: возьми-ка и его саван, ибо он хорош. Я и вернулся себе на беду. Лишь только я снял с него саван, полностью его обнажив, он вдруг сел передо мной, протянув ко мне руки, пальцами ощупал мне лицо и вырвал у меня оба глаза. Тогда я, несчастный, выбросив все, в горе и ужасе вышел из склепа. Вот я и рассказал вам, как стал слепым.

Как только мы это услышали, господин Софроний кивнул мне, и мы отошли от слепцов. И он сказал мне:

— Господин авва! Право, не будем заниматься сегодня, потому что уже многому научились.

Научившись сами, мы записали, чтобы и вы, услышав это, извлекли для себя пользу. Ибо, воистину, никто, творя дурное, не укроется от Господа. А эту историю мы лично услышали из уст пострадавшего». Краткое описание языковых особенностей этой главы представлено в [Норрокс 1997:186–187].

¹ Удалось обнаружить шестнадцать точных цитат и двадцать одну неточную.